

Глава 23. Мне нужен именно этот

— Живой, — Ци Цзю приподнялся в буферной зоне, переводя дух. — Еще теплится жизнь.

Система, вздрогнув от неожиданности, наконец пришла в себя:

[Хорошо, хорошо... Раз теплится, значит, выкарабкаемся.]

Шэнь Гэ хоть и был ходячим мертвецом, чья жизнь висела на волоске, но живучестью обладал поразительной. Пока в груди оставался хотя бы глоток воздуха, он упрямо цеплялся за этот мир.

Их внутренний диалог оставался недоступен Юй Юньляну. Система, выложив всё на одном дыхании, подвела итог:

[Тебе нельзя умирать сейчас, иначе нам срежут выплаты.]

Чтобы смерть от рук Юй Юньляна не сочли халатностью сотрудника, нужно сначала подтвердить успешное внедрение «золотого пальца». Это означало, что после гибели Шэнь Гэ внутренние демоны героя должны исчезнуть, а сам он — отбросить ненависть и обрести покой, отринув мирскую суету.

Юй Юньлян должен был перестать быть холодным клинком и снова стать живым человеком.

Ци Цзю, не найдя стула, уселся прямо на пол:

— И что, он не меняется?

[Ни в какую, — отозвалась Система. — Только что пришел отчет... После твоей смерти уровень «очернения» Юй Юньляна действительно упадет, но лишь на время.]

Пока технический отдел в штаб-квартире возился с очередями на обработку ошибок, подтверждение по «золотому пальцу» пришло удивительно быстро. В нем четко указывалось: личная месть и расправа над врагом дадут лишь краткосрочный эффект.

Согласно расчетам сюжета, Юй Юньлян в итоге всё равно останется клинком. Более того — ситуация станет только хуже. Оружие сохранит все былые навыки, но, лишившись объекта ненависти, станет еще более непредсказуемым и жестоким, не зная преград и жалости. В конце концов главный герой неизбежно превратится в истинного злодея — все сильного и коварного временщика.

Ци Цзю вывел на экран данные мониторинга:

— В чем же корень проблемы?

На экране Юй Юньлян тащил его промокшее тело к берегу. Лицо юноши оставалось бесстрастным. Тот облик, который Ци Цзю мимоходом назвал «симпатичным», сейчас выглядел пугающе: в нем застыла мрачная решимость, предвещающая бурю.

Юй Юньлян нанял повозку, затащил в нее неподвижного принца и сунул вознице записку с адресом лучшей столичной лечебницы. Из-за наводнения улицы были забиты людьми, а дороги превратились в непролазную топь. Кучер поначалу колебался, но стоило в его руки упасть серебряному слитку, как глаза его алчно блеснули, а кнут оглушительно щелкнул над лошадьми.

Карету немилосердно трясло на ухабах. Юй Юньлян хмурился всё сильнее, пока на крутом повороте не протянул руку, придерживая обмякшее тело Шэнь Гэ. Полуживой принц, в котором едва теплилась жизнь, безвольно привалился к его руке.

[В отчете сказано, что ты умер слишком легко... — Система вывела данные перед глазами Ци Цзю. — Шэнь Гэ в прошлой жизни совершил столько грехов, натворил столько зла... Если долг будет погашен так просто, если ты умрешь без мучений, Юй Юньлян не почувствует удовлетворения.]

Неутоленная жажда мести превратится в тлеющую на дне души искру. Она не исчезнет, а будет зреть в тишине, пока не разгорится в пожар, который уничтожит всё на своем пути.

Ци Цзю пролистал страницы отчета, уловив суть:

— Значит, я должен умирать от его рук медленно, шаг за шагом?

[Похоже на то,] — согласилась Система.

— Понял. — Ци Цзю отложил бумаги. Задача была не из сложных. — Есть еще инструкции?

[Постарайся направить его на путь истинный, — добавила Система. — Этот клинок изначально ковали неправильно. Если он продолжит в том же духе, скоро точка невозврата будет пройдена.]

В прошлой жизни Шэнь Гэ пять лет обучал семнадцатилетнего юношу. Всё, чему он его научил — это лицемерию, умению угождать сильным и давить слабых, искусству скрывать кинжал за улыбкой и яд под медовыми речами. Эти навыки помогли ему закрепиться в Сылицзяне, подняться по иерархической лестнице и в итоге захватить власть в стране... Нельзя сказать, что в этой жизни они ему не пригодятся. Дворцовые интриги коварны, здесь каждый сам за

себя.

Но если применять эти методы без разбора, Юй Юньлян окончательно утратит человечность, превратившись в бездушное орудие убийства.

Ци Цзю кивнул. Картинка на экране сменилась: они прибыли к лечебнице, и Юй Юньлян на руках выносил его из повозки.

— Пора, — Ци Цзю размял запястья. — Готовься, возвращай меня обратно.

Система опешила:

[Уже? А как же хот-пот?]

Пусть умирать пока было нельзя, но и приходиться в сознание немедленно нужды не было. Для такого изможденного организма, как у Шэнь Гэ, пролежать в забытьи несколько дней было делом вполне естественным. К тому же Юй Юньлян еще не стал тем высокомерным диктатором из будущего. Сейчас он был лишь немой юным слугой, который знаками умолял лекарей спасти его господина.

Ци Цзю мог бы спокойно доесть обед, прежде чем возвращаться.

— Давай сейчас, — отрезал Ци Цзю. — Хот-пот оставь на потом.

Он заметил за окном лечебницы красивую иву. Её ветви, покрытые молодой листвой, омытой дождем, трепетали на ветру, воплощая собой саму весну.

— Красивая, — задумчиво произнес Ци Цзю. — Сорви мне листочек.

Система подняла легкий ветерок, подхватила самый яркий зеленый лист и через приоткрытое окно бесшумно опустила его на край кушетки.

Там, между жизнью и смертью, лежал свергнутый принц. Его дыхание было холодным и прерывистым. Тело содрогалось под иглами лекаря, а изо рта снова потекла кровь. Юй Юньлян стоял рядом в промокших черных одеждах и, не мигая, смотрел на алые пятна.

— Боишься крови? — старый седовласый лекарь, пользующийся огромным уважением, обернулся к юноше. — Если не по себе, отойди, не мешай.

Лицо Юй Юньляна оставалось белым как снег. Он всегда был таким — словно кусок вечного льда, который невозможно согреть.

— Он скоро не очнется, — мягко продолжил старик. — Не нужно здесь торчать. Иди переоденься в сухое, не хватало еще простудиться.

Юй Юньлян промолчал, но вместо того чтобы уйти, подошел ближе к ложу. Он склонился над Шэнь Гэ, пристально разглядывая его лицо. Иглоукалывание — процедура болезненная, особенно когда нужно усмирить взбунтовавшуюся внутреннюю энергию. Тело принца непроизвольно дергалось, мешая лекарю.

По знаку старика Юй Юньлян протянул руки и прижал пациента к постели, блокируя основные акупунктурные точки. Ивовый лист коснулся его виска и скользнул по волосам. Юй Юньлян не поднимал глаз, пока последняя игла не вошла в кожу. Лишь тогда он убрал руки и краем мокрого рукава медленно стер с лица принца кровавые следы.

Ци Цзю и впрямь вернулся слишком рано. Следующие трое суток Шэнь Гэ балансировал на краю бездны, то и дело проваливаясь обратно в буферную зону. Жизнь в нем поддерживали лишь драгоценные отвары из старого женьшеня.

Только к исходу третьей ночи кризис миновал. Буферная зона растворилась, и Ци Цзю открыл глаза. Он был уже не в лечебнице — его перевезли обратно в полуразрушенное поместье принца.

Дом действительно лежал в руинах. Относительный порядок сохранялся лишь снаружи, но стоило миновать парадные ворота, как взгляду открывался хаос: ни изящных павильонов, ни садов — только груды камней и битой черепицы. Людей в поместье почти не было, лишь несколько немых слуг, чьи языки были отрезаны в застенках императорских тюрем. Тени прошлого, они бродили по дворам, едва осознавая реальность.

В прошлой жизни Шэнь Гэ здесь почти не бывал, предпочитая проводить время в кварталах красных фонарей или на увеселительных лодках. Их привезли сюда, скорее всего, потому, что император ждал доклада о смерти брата, готовый сжечь поместье вместе с телом, как только прозвучит последний вздох.

Ци Цзю это мало заботило. Он откинулся на подушки, вертя в руках ивовый лист, который сохранила для него Система.

— И где все? Где наш герой?

— Вернулся в Сылицзянь, — доложила Система. — Говорят, во дворце возникли срочные дела.

Когда Цзиньивэй забирали Шэнь Гэ из лечебницы, Юй Юньлян следовал за ними. Но стоило им достичь ворот поместья, как прибыл гонец из дворца с приказом немедленно явиться.

[Может, его вызвал приемный отец? — Система видела мир глазами Ци Цзю и не знала подробностей. — У гонца был жетон Директората церемоний. Возможно, его ждет повышение.]

Ци Цзю лишь усмехнулся:

— Вряд ли.

[Почему?]

— В прошлой жизни Юй Юньлян убил своего отца, — напомнил Ци Цзю. — Зачем ему это понадобилось?

Система всегда считала это проявлением обычной жестокости героя, но теперь засомневалась:

[Может... не хотел подчиняться и решил сам занять его место?]

Ци Цзю не ответил. Он некоторое время созерцал унылый вид за окном, а затем выудил из рукава бумажный сверток. Внутри оказались несколько черных пилюль, распространявших горький аромат трав.

[Откуда это у тебя?] — удивилась Система.

— Юй Юньлян сунул мне их в рукав, — ответил Ци Цзю. — Он не любит быть должным. Я спас его — он расплатился лекарством.

Дело было не в доброте душевной. Юй Юньлян просто не хотел связывать себя обязательствами с кем бы то и было. Он жил только для себя. В прошлой жизни он позволял Шэнь Гэ использовать себя как инструмент и беспрекословно выполнял его волю до тех пор, пока тот не решил его прикончить.

Простая логика: око за око. И следуя этой логике, приемный отец, которому он якобы был обязан всем, закончил свои дни с перерезанным горлом, а его тело было брошено на съедение бродячим псам.

Система раньше не задумывалась над этим, но теперь ей стало не по себе:

[Как же так вышло?]

— Не один Шэнь Гэ видел в нем лишь клинок, — произнес Ци Цзю. — Но если выбирать из двух зол, Шэнь Гэ был не самым худшим вариантом.

У принца не было ни власти, ни сил, ни рычагов давления на Юй Юньляна. Поэтому ему приходилось разыгрывать спектакль, притворяясь заботливым, чтобы удержать этого немного слугу подле себя. Юй Юньлян не был глуп, он видел фальшь, но, видимо, именно поэтому даже в самом финале, когда его связанным отправили на смерть, он оставил себе путь к отступлению.

— Глава Директората церемоний... в его руках все нити. И Юй Юньлян для него — лишь кусок мяса на крючке.

[Что же он с ним сделает?] — прошептала Система.

Ци Цзю и сам не знал наверняка. Он ведь не был настоящим Шэнь Гэ, он лишь строил догадки на основе имеющихся улики. А чтобы узнать правду, нужно увидеть всё своими глазами.

— Схожу, проверю.

[Что?! Сейчас? Да ты с кровати-то едва встаешь!]

Ци Цзю закинул пилюлю в рот, разжевал её и направил поток энергии, чтобы ускорить действие лекарства.

— Идти я и впрямь не могу, — признал он. — Но принцу вовсе не обязательно пользоваться собственными ногами.

Даже если этот принц лишился власти и доживает свои дни в руинах. Пока император на троне не решится окончательно растоптать остатки приличий и показать всему миру свою подлость, ему придется терпеть выходки брата. Если принц не желает идти пешком, за ним пришлют паланкин, подготовят благовония и грелки для рук. И сделают это со всей положенной покорностью.

В стенах Сылицзяня весенний холод пробирал до костей. В водяной тюрьме всегда было сыро и студено. Это была личная пыточная Директората, где не калечили плоть, но медленно ломали дух.

Юй Юньлян простоял в ледяной воде уже два дня и одну ночь. Один раз он попытался притвориться мертвым, задержав дыхание и уйдя под воду, но его тут же вытащили и подвесили на веревках.

Главой Директората церемоний был Цзян Шунь — человек, прошедший с нынешним императором через все интриги борьбы за трон. Одержав победу, он стал Нэйсяном, обладающим безграничной властью. Память о прошлой жизни была при Юй Юньляне, и он

знал, как победить этого старика, но время еще не пришло. Ему нужно было затаиться. А значит — стоять в этой воде до тех пор, пока он не «умрет» по-настоящему.

Смерть здесь означала полную потерю сознания, когда легкие наполняются водой и тело всплывает на поверхность. Только после этого экзекуция считалась завершённой, и жертву возвращали к жизни. В прошлой жизни такого не было. Тогда Шэнь Гэ спас его, и их тайная связь с поместьем принца даже забавляла Цзян Шуня. Дворцовые интриги никогда не утихали, и никто не знал, кто окажется победителем. Если принц вздумал пригреть у себя маленького евнуха — пусть. Если Шэнь Гэ придет к власти, это пойдет на пользу Директорату. А если нет... Юй Юньляна всегда можно было убрать.

Спасение слуги принцем было удобной ниточкой, которую можно было оборвать в любой момент. Но то, что человек Директората спас принца, который должен был умереть — это в корне меняло дело. Выходка Юй Юньляна поставила Цзян Шуня в неловкое положение перед императором. И дерзкого немого бросили в воду.

— Чего ты ждешь? — лениво спросил палач, добавляя воду. — Просто закрой глаза и упави. Мы тебя вытащим, откачаем, и всё закончится.

Юй Юньлян смотрел на мутную гладь воды, подступившую к самому подбородку, и молчал. Он и сам не знал, чего ждет. Он ненавидел воду, особенно холодную. Но его тело, казалось, было сделано из льда — холод не брал его, он мог простоять здесь еще вечность.

Один раз он всё же попытался упасть, но инстинкт заставил его задержать дыхание. Эта привычка была сильнее его... Умереть в воде он мог лишь в бушующем потоке Хуньхэ, но не в тихой тюремной камере.

Палач окончательно потерял терпение и подал знак наполнять бассейн до краев. Вода медленно поднималась, закрывая рот и нос. Юй Юньлян смотрел на свое отражение, пока не закрыл глаза. Но прежде чем вода сомкнулась над головой, ржавая дверь темницы со скрипом распахнулась.

Звон цепей, топот множества ног — тяжелую створку буквально вжали в стену. В вечно мрачное подземелье ворвался свет факелов, от которого зарезало глаза.

— Кто здесь?! — выкрикнул палач, не скрывая изумления.

Юй Юньлян тоже поднял голову. То, что он увидел, казалось полным абсурдом: в тесный коридор водяной тюрьмы ухитрились затащить паланкин. В этом сыром, пронизанном холодом месте он выглядел чужеродным телом. Вместе с ярким, мечущимся пламенем факелов всё происходящее напоминало горячечный бред.

Цзян Шунь, очевидно, разделял это чувство. Глава Директората, поднятый среди ночи, поспешил в подземелье, чтобы остановить обезумевшего принца, который, казалось, сам искал

своей смерти.

— Ваше Высочество?..

Цзян Шунь поклонился с напускной почтительностью, но в его позе не было и капли истинного уважения. Человек в паланкине откинул капюшон, поудобнее устроился на подушках и небрежно бросил в руки евнуха несколько крупных жемчужин.

— Я пришел за человеком, — произнес он. — Господин Цзян, будьте любезны, не чините препятствий.

Цзян Шунь усмехнулся. Жемчуг был превосходным, но никто в здравом уме не стал бы принимать дары от опального принца.

— Ваше Высочество... Боюсь, это невозможно.

Цзян Шунь не боялся Шэнь Гэ. Скорее наоборот — это принц должен был заискивать перед ним. Кем был Цзян Шунь? Доверенным лицом императора, Нэйсяном, человеком, перед которым трепетала вся страна.

— Этот слуга наказан по воле дворца, — тихо, со значением произнес евнух, подходя ближе к паланкину. — Он совершил тяжкое преступление, и пусть ему сохранили жизнь, но наказания не избежать...

Резкий свист рассекаемого воздуха оборвал его на полуслове. Цзян Шунь в ужасе отпрянул, хватаясь за горло. Его лицо исказилось от страха, когда он посмотрел на свою разорванную одежду.

Этот умирающий калека, в котором едва теплилась жизнь, держал в руках всего лишь ивовый прут! Но этот прут в его пальцах на миг стал тверже стали. Наполненный внутренней силой, он полоснул не хуже острого клинка, в мгновение ока рассекая три слоя дорогой ткани и оставляя на коже кровавые борозды. Еще пара дюймов выше — и прут обвился бы вокруг незащищенного горла, превращая эти слова в последние в жизни старика...

Цзян Шунь стоял, не в силах оправиться от шока. Он не понимал, откуда у немощного принца такая пугающая техника, и чего тот добивается.

— Ваше Высочество, это...

Человек в паланкине привалился к подушкам, грея руки о жаровню. Он достал расшитый золотом шелковый мешочек и принялся задумчиво вертеть его в руках. При виде этого мешочка сердце Цзян Шуня пропустило удар. Он мгновенно понял, что попал в беду. В этом кисете хранилось то, что никогда не должно было увидеть свет. Директорат годами плел

интриги, устраняя неугодных самыми грязными методами, и Шэнь Гэ явно наложил руку на одну из их тайн.

— Ваше Высочество... — голос Цзян Шуня дрогнул. — Вы хотите только его?

Принц казался предельно слабым — он едва держал спину ровно, не выпускал из рук грелку и только лениво перебирал пальцами завязки мешочка. Его пальцы были мертвенно-бледными, а вены на запястьях отливали нехорошей синевой. Облик человека, которому осталось недолго.

Цзян Шунь стиснул зубы и подал знак своим людям. Юй Юньляна немедленно вытащили из воды. Его не просто освободили — слуги тут же принялись вытирать его полотенцами, осушая ледяную воду, и принесли новую черную одежду. Евнухи знали толк в услужении: мгновение — и Юй Юньлян, чистый и опрятный, предстал перед своим отцом.

Цзян Шунь смотрел на своего приемного сына, и в его глазах мешались злоба, страх и расчет. Он опасался Шэнь Гэ — тот оказался совсем не таким, как они ожидали. С такими методами принц вполне мог задержаться на этом свете дольше положенного. Будучи мастером приспособления, Цзян Шунь решил не доводить дело до открытой вражды и нацепил на лицо подобие улыбки.

— Ваше Высочество, если в вашем поместье не хватает слуг... достаточно было просто сказать, — еле слышно произнес он. — Мы, слуги императора, всегда рады помочь.

Он подтолкнул Юй Юньляна к паланкину:

— Только этот малый еще не обучен как следует, диковат и может ненароком обидеть Ваше Высочество. Не желаете ли, чтобы Сылицзянь прислал еще пару человек для надзора?

Юй Юньлян, чьи ноги затекли от долгого стояния в воде, покачнулся, но его подхватила бледная, почти прозрачная рука. Он поднял взгляд и увидел Шэнь Гэ — совсем не того, кого он помнил. Дыхание принца было слабым, но ровным. Он небрежно возлежал среди подушек, его пальцы, сжимавшие грелку, были ледяными. Но в его взгляде читалось такое спокойствие и уверенность, словно исход этой встречи был предрешен еще до её начала. Эта внутренняя сила заставила Цзян Шуня отступить — палач и интриган не нашел иного выхода.

— Не нужно, — лениво проговорил Шэнь Гэ. — Благодарю за щедрость.

Он посмотрел на юношу:

— Мне нужен именно этот.

Юй Юньлян замер, впившись взглядом в незнакомца. Шэнь Гэ тоже смотрел на него — в ярком свете факелов всё вокруг казалось нереальным, призрачным, похожим на видение. Принц,

видимо, не желал больше тратить силы: он прикрыл глаза, снова кутаясь в тепло паланкина.

«Всё это лишь морок, — подумал Юй Юньлян. — Еще одна ложь этого человека». Но стоило паланкину двинуться к выходу, как Шэнь Гэ обернулся:

— Иди за мной.

Призрачный замок. Мираж в зеркале. Обман. Но Юй Юньлян сделал шаг вперед, переступая через круг света от факелов, и последовал за Шэнь Гэ.

<http://bllate.org/book/16113/1590540>